

Андрей Белый

ПЕТЕРБУРГ

роман

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Петербург / А. Белый. — М. : T8RUGRAM. — 564 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63232-4

Андрей Белый (1880—1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Петербург» — знаменитый роман А. Белого, одно из его самых сильных и художественно выразительных произведений. Небывалая в истории литературы запись абсурда, в которой упразднён здравый смысл, ослаблены причинно-следственные связи. Мир, полный извращённых перспектив, невероятный и чудовищный, наполненный обездушенными людьми и живыми мертвецами, непременно поразит каждого читателя.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой повествуется об одной достойной особе, ее умственных играх и эфемерности бытия	9
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой повествуется о некоем свидании, чреватом последствиями.....	71
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой описано, как Николай Аполлонович Аблеухов попадает с своей затеей впросак.....	137
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой ломается линия повествования.....	185
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой повествуется о господинчике с бородавкой у носа и о сардиннице ужасного содержания.....	267
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой рассказаны происшествия серенького денька.....	319
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, или: происшествия серенького денька все еще продолжаются.....	415
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ.....	519
ЭПИЛОГ.....	559

Андрей Белый

ПЕТЕРБУРГ

ПРОЛОГ

Ваши превосходительства, высокородия, благородия, граждане!

.....

Что есть Русская Империя наша?

Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя заключает: во-первых — великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она заключает... Но — прочая, прочая, прочая.

Русская Империя наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных; и далее: — из первопрестольного града и матери градов русских.

Град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев.

Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же) подлинно принадлежит Российской Империи. А Царьград, Константинополь (или, как говорят, Константинополь), принадлежит по праву наследия. И о нем распространяться не будем.

Распространимся более о Петербурге: есть — Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же). На основании тех же суждений Невский Проспект есть петербургский Проспект.

Невский Проспект обладает разительным свойством: он состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его; нумерация идет в порядке домов — и поиски нужного дома весьма облегчаются. Невский Проспект, как и всякий проспект, есть публичный проспект; то есть: проспект для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть — гм... да: ... для публики. Невский Проспект по вечерам освещается электричеством. Днем же Невский Проспект не требует освещения.

Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да...

Потому что Невский Проспект — прямолинейный проспект.

Невский Проспект — немаловажный проспект в сем не русском — столичном — граде. Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек.

И разительно от них всех отличается Петербург.

Если же вы продолжаете утверждать нелепейшую легенду — существование полуторамиллионного московского населения — то придется сознаться, что столицей будет Москва, ибо только в столицах бывает полуторамиллионное население; а в городах же губернских никакого полуторамиллионного населения нет, не бывало, не будет. И согласно нелепой легенде окажется, что столица не Петербург.

Если же Петербург не столица, то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует.

Как бы то ни было, Петербург не только нам кажется, но и оказывается — на картах: в виде двух друг в друге сидящих кружков с черной точкою в центре; и из этой вот математической точки, не имеющей измерения, заявляет он энергично о том, что он — есть: оттуда, из этой вот точки, несется потоком рой отпечатанной книги; несется из этой невидимой точки стремительно циркуляр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ ОБ ОДНОЙ ДОСТОЙНОЙ ОСОБЕ, ЕЕ УМСТВЕННЫХ ИГРАХ И ЭФЕМЕРНОСТИ БЫТИЯ

*Была ужасная пора.
О ней свежо воспоминанье.
О ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье,—
Печален будет мой рассказ.*
А. Пушкин

АПОЛЛОН АПОЛЛОНОВИЧ АБЛЕУХОВ

Аполлон Аполлонович Аблеухов был весьма почтенного рода: он имел своим предком Адама. И это не главное: несравненно важнее здесь то, что благородно рожденный предок был Сим, то есть сам прародитель семитских, хесситских и краснокожих народностей.

Здесь мы сделаем переход к предкам не столь удаленной эпохи.

Эти предки (так кажется) проживали в киргиз-кайсацкой орде, откуда в царствование императрицы Анны Иоанновны доблестно поступил на русскую службу мирза Аб-Лай, прапрадед сенатора, получивший при христианском крещении имя Андрея и прозвище Ухова. Так о сем выходе из недр монгольского племени распространяется *Гербовник Российской Империи*. Для краткости после был превращен Аб-Лай-Ухов в Аблеухова просто.

Этот прапрадед, как говорят, оказался истоком рода.

.....

Серый лакей с золотым галуном пуховкою стряхивал пыль с письменного стола; в открытую дверь заглянул колпак повара.

— Сам-то, вишь, встал...

— Обтираются одеколоном, скоро пожалуют к кофию...

— Утром почтарь говорил, будто барину — письмецо из Гишпани: с гишпанскою маркою.

— Я вам вот что замечу: меньше бы вы в письма-то совали свой нос...

— Стало быть: Анна Петровна...

— Ну и — стало быть...

— Да я, так себе... Я — что: ничего...

Голова повара вдруг пропала. Аполлон Аполлонович Аблеухов прошествовал в кабинет.

.....

Лежащий на столе карандаш поразил внимание Аполлона Аполлоновича. Аполлон Аполлонович принял намерение: придать карандашному острию отточенность формы. Быстро он подошел к письменному столу и схватил... пресс-папье, которое долго он вертел в глубокой задумчивости, прежде чем сообразить, что в руках у него пресс-папье, а не карандаш.

Рассеянность проистекала оттого, что в сей миг его осенила глубокая дума; и тотчас же, в неурочное время, развернулась она в убегающий мысленный ход (Аполлон Аполлонович спешил в *Учреждение*). В «Дневнике», долженствующем появиться в год его смерти в повременных изданиях, стало страничкою больше.

Развернувшийся мысленный ход Аполлон Аполлонович записывал быстро: записав этот ход, он подумал: «Пора и на службу». И прошел в столовую откусывать кофей свой.

Предварительно с какою-то неприятной настойчивостью стал допрашивать он камердинера старика:

— Николай Аполлонович встал?

— Никак нет: еще не вставали...

Аполлон Аполлонович недовольно потер переносицу:

— Ээ... скажите: когда же — скажите — Николай Аполлонович, так сказать...

— Да встают они поздновато-с...

— Ну, как поздновато?